

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'22

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ДВА ТИПА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В. В. Волков

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье обосновывается, что право как наука, правоприменение и правосознание могут рассматриваться как бинарный объект лингвокультурологии права. Обыденные представления о праве основываются на «чувстве справедливости». Следовательно, с точки зрения лингвокультурологии, русские обыденные представления о праве выступают как доминантные по отношению к феноменам собственно правовым.

Ключевые слова: лингвокультурология, юридическая лингвистика, правовое сознание, языковое сознание, языковая личность, лингвокультурология права.

Область пересечения лингвистики и правоведения – сфера интересов активно развивающейся дисциплины под названием *юридическая лингвистика* [17], которая занимается, в частности, вопросами судебной лингвистики [1] и судебного речеведения [6], лингвистической идентификации личности [12], вопросами лингвокриминалистики [8], лингвистической экспертизы текста [2] и др. (подробно см., например: [7]) – в общем случае это вопросы бытования / использования языковых средств / текстов в правовой сфере, в том числе как объектов документационных, стилистических, терминологических, криминалистических и иных исследований, выполняющихся в юридическом контексте на основе лингвистических технологий.

Юридическая лингвистика нацелена на исследование своих разнообразных текстовых объектов с лингвоцентрических и/или «юрисцентрических» позиций, оставляет «человеческий фактор», особенности «языковой личности» – индивидуальной и коллективной, особенности русского правосознания на периферии внимания. Необходимость осмысления лингвистических оснований работы над формированием, развитием и совершенствованием правосознания граждан, в том числе учащихся и студентов, необходимость разработки проблемы «язык и право» с антропоцентрических позиций обуславливает целесообразность обращения к понятийному аппарату и исследовательскому инструментарию лингвокультурологии.

Юридическая лингвокультурология и лингвокультурология права – взаимосвязанные дисциплины с одним общим объектом, который можно определить как *правовое сознание*, но разными предметами, фиксирующими разные углы зрения на это сознание (профессионально-юридическое и обиходно-правовое типы правового сознания), разными теоретическими основаниями и прикладными результатами. Приведенные составные термины, именующие эти дисциплины, – своеобразные квазисинонимичные «семантические перевертыши» [4, с. 110–121], кото-

рые, как любые семантические синонимы, различаются ключевыми смысловыми компонентами. К примеру, одно дело, если *Учитель учит ученика*, другое – если *Ученик учит учителя*. В случае *юридической лингвокультурологии* в основе исследования – профессионально-юридическое знание (фиксируемое нормативными документами и терминологическими словарями), за которым следует его обиходная лингвокультурологическая проекция – набор достаточно размытых (в отличие от точного знания) *семантических представлений* (обыденных понятий, фиксируемых в толковых словарях) и, следовательно, процессы субъективно-личностной «деюридизации» юридического (юридическое осмысляется в логике обихода). В основе *лингвокультурологии права*, напротив, – достаточно диффузные, размытые, строго не определенные семантические представления «рядовых» носителей языка (не профессиональных юристов) о правовых отношениях, которые нередко отождествляются с устоявшимися правилами поведения, «формами обхождения» (этикетом), с этическими регуляторами человеческих взаимоотношений. В этом втором случае лингвокультурология как дисциплина, занимающаяся вопросами опредмечивания средствами естественного языка любых феноменов культуры, втягивает в сферу своих интересов *правовые представления* самых разных людей, в том числе и профессиональных юристов.

Правовое сознание (правосознание), оказывающееся в развиваемой нами логике объектом междисциплинарной области, формирующейся на пересечении правоведения и лингвокультурологии, в правоведении трактуется как одна из форм общественного сознания, проходящая именно по его ведомству, а именно – теории права, ср. авторитетное энциклопедическое толкование: «**Право**... в объективном смысле система общеобязательных, формально определенных норм, установленных и обеспечиваемых силой государства и направленных на регулирование поведения людей и их коллективов в соответствии с принятыми в данном обществе условиями социально-экономической, политической и духовной жизни» [15, с. 732]. *Субъективное право*, соответственно, трактуется как процесс и результат проецирования индивидом объективных правовых норм на реальности повседневного существования, на установки «действовать в определенной ситуации способом, установленным правовой нормой, или воздержаться от совершения соответствующего *действия*...» [Там же]. Следуя этим определениям, можно заключить, что субъективное право (правовая культура) оказывается объектом *культурологии права*, а отображающие явления *правовой культуры* языковые / текстовые средства – объектом *юридической лингвокультурологии*. В этом случае задача формирования, развития и совершенствования правосознания граждан – таким образом внести формально установленные нормы права в сознание населения, чтобы было обеспечено взаимодействие институциональных правовых и обиходных лингвоконцептуальных структур, обеспечивающих регуляцию поведения как отдельных людей, так и коллективов, групп, сообществ, партий и т. п.

В рамках *лингвокультурологии права* исходная задача связана с выявлением тех представлений о *праве* (в самых разных смыслах этого слова, взаимосвязи между которыми оказываются отдельным предметом изучения), которые *в рамках повседневности*, без специального воздействия институциональных правоохранительных структур, выступают – вместе с нравственностью, религией и моралью – в качестве регуляторов человеческого поведения.

Разграничивая, а следовательно, в чем-то противопоставляя профессионально-юридический и обиходно-правовой типы (языкового) сознания, важно под-

черкнуть: внешне «одни и те же» слова в них выступают *в сходных, но разных* значениях и смыслах; выявить *перечень* ключевых лексем, составляющих лингвокогнитивную область пересечения этих двух типов сознания, установить *состав и структуру* соответствующих лингвокогнитивных областей (семантических полей), *специфику взаимодействия* между их единицами – вот основные конкретно-исследовательские задачи как юридической лингвокультурологии, так и лингвокультурологии права.

Правовые и общекультурные концепты, центрирующиеся на ключевых лексемах типа *право, закон, долг, обязанность, справедливость*, чаще всего существуют под одним и тем же именем, которое оказывается омонимичным, и обыденное сознание «теряется»: где *правовое* (установленное законом) а где – *нечто иное*, «собственно человеческое», диктуемое нравственностью, религией и моралью, которые – превыше любого юридически оформленного права?

Ключевая лексема, экспонент (план выражения, «оболочка») которой является общим для профессионально-юридического и обиходно-правового типов правового сознания, – существительное *право*, по сути, омонимичное. Есть терминологическое юридическое прочтение этой лексемы (тогда мы имеем дело с **термином право**), и есть **общеупотребительное существительное право** – с богатым деревом значений, в ряду которых обычный носитель языка (не юрист) ищет прежде всего «самого себя», того, что касается «всей жизни», и лишь затем интересуется тем частным, что связано именно с юридическими аспектами жизни.

К сожалению, современные академические толковые словари эту особенность языкового сознания, связанную с *производностью* юридического, терминологического *понятия* права, не учитывают и в числе исходных, первичных называют именно правовые, по своей сути терминологические значения, ср.: «**Право...** 1. *только ед.* Совокупность устанавливаемых и охраняемых государством моральных норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми. *Крепостное п. П. феодального общества. Соблюдение норм права.* <...> 2. Наука, изучающая отражение этих законов и постановлений в законодательстве; учебная дисциплина такого содержания. *Лекция по уголовному праву. Читать древнерусское п.* 3. Предоставляемая законами государства свобода, возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л. *П. наций на самоопределение. Политические права граждан. П. собственности.* <...> 4. Официальное разрешение на что-л.; допуск к выполнению каких-л. обязанностей, к занятию какой-л. должности, чина. *П. держать экзамен. П. на внеочередное обслуживание.* <...> 5. Возможность действовать, поступать каким-л. образом. *Бороться за п. печататься. Имел п. входить к шефу без доклада. Можешь уходить, твое п.* (о возможности поступать по своему усмотрению)» [13, с. 953].

Если рассматривать цитированные толкования сквозь призму векторного прочтения оппозиции «власть – человек», то первые четыре толкования связаны с вектором «власть → человек», с логикой *этакратии* (из фр. *état* 'государство' + ...*кратия*, буквально «власть государства»: «власть распоряжается, человек исполняет»), лишь пятое толкование – вне контекста этой оппозиции.

Обратим также внимание на принципиальную неточность (если не явную ошибочность) толкования первого значения: «совокупность устанавливаемых... государством *моральных* норм». Моральные нормы, тем более «правила поведения» не «устанавливаются», а *складываются* в обществе независимо от воли человека и/или государства (подобно тому как формирование и развитие языка не зависит от

воли человека или государства, которые могут лишь упорядочивать, влиять на него, но никак не «устанавливать»), затем лишь фиксируются и упорядочиваются – но в *традиции, этике*, не в *праве*. Иллюстрации к толкованию данного значения также вызывают недоумение: *крепостное* или *феодалное право*, разумеется, как-то связаны со специфическими *моральными нормами*, но отнюдь не директивными отношениями.

Как видим, современное лексикографическое решение отражает идеологию «государствоцентричности», **представление о доминировании государства над человеком**: не «государство для человека», как в случае антропоцентрического взгляда, но «человек для государства».

Совершенно иначе строится толкование существительного *право* в Словаре В.И. Даля, более точно отражающем реальность русского менталитета и языкового сознания, ср.: «**Право**... данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах. *Ему дано право карать и миловать. Право родителей над детьми не крепостное.* <...> *Право на что*, основательность, законность. *Право на благодарность*, по заслугам; *право на орден, на чин, пенсию*, по закону. || *Право*, наука законоведения..., юриспруденция, или одна из ветвей науки этой. *Право гражданское, военное, уголовное, римское* и пр.» [9, т. 2, с. 377].

Ключевой элемент цитированного толкования, которое без всяких кавычек можно считать гениальным, – «власть и воля в условных пределах».

Во-первых, в этой формулировке «власть» и «человек» не противопоставлены, не иерархизированы («кто главнее»), но *со-*поставлены, трактуются как рядоположные: *власть и воля*; во-вторых, *право* определяется через «условный предел», который может быть очень разным: по обычаю, заслугам, закону.

Обыденное сознание антропоцентрично, а не «юридоцентрично», что ярко проявляется в материалах массового ассоциативного эксперимента, хорошо коррелирующих с далевским прочтением семантики сущ. *право*. Наиболее частотные ассоциаты в академическом «Русском ассоциативном словаре»: «**Право**: на жизнь **29**; на труд **13**; лево **9**; закон, на отдых **8**; *быть*, выбора, человека **7**; *иметь, мое, юрист* **4**; *жить*, на риск, на свободу, на смерть, сильного, суд, уголовное **3**» [14, с. 499]. Как видим, преобладают синтагматические ассоциации по моделям «право на что» и «право – какое»: **право** – на труд / отдых / риск / свободу / смерть; **право** – быть, иметь, жить; **право** – выбора, мое, сильного. Ожидаемая парадигматическая ассоциация **право** – *обязанность* представлена в реакциях только двух информантов. Вывод очевиден: *право* в русском языковом сознании слабо ассоциировано с *обязанностью*.

Крайне несимметричны и словообразовательные гнезда: достаточно обширное гнездо с заголовочным *право* и нулевое – с *обязанность* (даже прилагательного **обязанностный* нет [16]). Разумеется, от структурно простого существительного *право* закономерно образуется больше производных, чем от структурно сложного *обязанность*. Но наличие весьма обширного ряда сложных производных с начальной частью *право-*, которая, по сути, выступает в роли префиксоида, при полном отсутствии аналогичных производных с начальным *обязанность* все-таки заслуживает того, чтобы ее отметить, ср.: *правоведение, правомерность, правонарушение, правонарушение, правообладатель, правоотношение, правопорядок, правопредшественник, правопреемник, правоприменение, правосознание, правоспособность, правосудие, правотворчество*.

Известная лингвистическая эвристика: подставить вместо одного элемента другой и попытаться интерпретировать смысл того, что вышло, например: **обязанностеведение*, **обязанностемерность*, **обязанностенарушение* и т. д. Получаются слова, явно намекающие на проблемы, над которыми стоит задуматься: к примеру, ведь не только *права* получает *правопреемник*, но вместе с ними и какие-то *обязанности*. Однако само существительное *правопреемник* на это явно не намекает, *обязанности* – только в пресуппозиции (в подразумеваемой части смысла).

Из сказанного не следует, что у русских слабо развито «сознание обязанностей», скорее наоборот: недостаточно развито сознание своих прав – как проявление национальной черты безынициативно полагаться на отечески заботливые «верхи» и как наследие сначала царской, затем советской власти.

Кроме того, русское обыденное правосознание существенно отличается от западного по типу взаимодействия с нравственным началом. Европейское правосознание фундируется нравственными категориями «порок / добродетель» (что, заметим, неизбежно ведет к крайностям: то безудержное пуританство, то превознесение заведомо порочного, например, гомосексуализма, что русская культура категорически не поддерживает [3]). Идеал русской нравственности – *над* этим противопоставлением. Верно заметил В. В. Колесов: «Идеал русской нравственности – конкретная нравственность. Гармоничное, *ладное*, соединение идеала и личности» [11, с. 122]. Не добродетели и пороки высчитывать, а тянуться к идеалу. Вопрос о добродетелях и пороках – это вопрос о поступках, не о внутренней сути. Для русского менталитета поступки – не главный критерий оценки человека. Важно не столько то, *что он делает*, сколько *кто он такой, что он собой представляет* – в конечном счете, пред Божьим ликом. Такая нравственная позиция «по человеческой высоте» превосходит любое правосознание, фундирующееся на частных категориях.

Нравственное, этическое и правовое в русском языковом сознании находятся в отношениях «взаимопронизывания», – при доминировании нравственного начала, что, между прочим, отзывается даже в социальных ожиданиях от судей «судить по закону и внутреннему убеждению», то есть опираясь на закон и голос совести (= нравственности), не говоря уже о том, что в русском менталитете Справедливость всегда воспринималась как явление, стоящее над законом, как Закон вечный. Именно это имел в виду совсем еще молодой Пушкин в оде «Вольность» (1817): «Владыки! вам венец и трон / Дает Закон – а не природа; / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон». Именно «вечный», а не земной. Земные законы подвластны царям, вечные – руководят и царями, и подданными.

Ключевая проблема формирования правосознания в своей основе – нравственная, фундируется тем, что обычно называют *порядочностью*. Еще И. А. Ильин в работе «О сущности правосознания» (1919, первоначальное название – «Учение о правосознании»), характеризуя «основу здорового правосознания», писал: «В правосознании участвует не только “знание” и “мышление”, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и *признавать* в порядке *самовменения* и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы *соблюдать признанное*» [10, с. 230]. Подобно тому как в любой сложной системе управляющий фактор находится за пределами системы или, во всяком случае, не является ее частью, так и механизмы

самовмещения правового находятся за пределами правового сознания, их фундамент – обыденные представления об этически приемлемом / неприемлемом и выше этического – о нравственном.

Перейдем к подведению итогов. Лингвокультурология, в логике развития современной филологии как целом [4], по самой сути «антропоцентрична»: исследование языковых/речевых средств для нее лишь способ приблизиться к конечному объекту – человеку в его целостности; в случае лингвокультурологии права – это человек как *homo socialis*, или *homo socius* ‘общественный’ (< лат. *socialis* ‘товарищеский, приятельский, дружеский’ > общительный, общественный’ < *socius* ‘общий, совместный; находящийся в союзе, союзный’), как *homo institutionis* ‘институциональный, «человек институций»’ (< лат. *institutio* ‘устройство; образ действия’ < *instituere* ‘ставить’ > строить, выстраивать; устраивать’ < *in-* ‘«в-, на-, воз-» + *statuere* ‘ставить; устанавливать, возводить, воздвигать’ > формулировать; выносить постановление, принимать решение’), – человек, существующий в системе «разнообразных институций и институтов, ставших реальным продуктом эволюции человеческого общества в бесконечном многообразии ее форм и проявлений» [18, с. 11]; наконец, в идеале – человек как *homo civis* ‘человек-гражданин’, в иерархии ценностей которого личные интересы подчинены интересам «общего дела».

Правовая сфера – лишь малая часть человеческого существования; по отношению к нравственности, коренящейся в заповедях мировых религий и глубоко интимном, исходящем из бессознательного чувства совести, и к этике, мотивирующей структурами и содержанием всех возможных социальных отношений, право – лишь «нравственно-этический минимум», непреложность которого поддерживается, помимо нравственного чувства и опасений нарушить этические условности, силой государственного принуждения. На принуждении вся жизнь не строится, но без него ее основы рушатся – в этом, с одной стороны, ограниченность, с другой – сила и объективная необходимость права как особого социального института. Этика всегда *глубже* права, несмотря на всю его обширность, но, в свою очередь, составляет лишь часть нравственности как высшего регулятора человеческих отношений.

Обыденное сознание по необходимости включает как нравственную, в том числе духовно-религиозную, так и этическую, и правовую составляющие. В этом истоки конфликта между обыденным («общим») и правовым («частным») сознанием: обыденное – гибко, диффузно, многогранно, правовое – ригидно, логически выверенно, связано со строго определенными аспектами человеческих отношений (подробно об этом: [5]). Развитие правового сознания основывается не только / не столько на изучении правовых основ общества и государства – это лишь необходимый начальный этап (правовое просвещение), сколько на согласовании правовых концептов с общекультурными.

Таким образом, *лингвокультурология права* ориентирована прежде всего на «академические» задачи, обусловленные необходимостью определить на основе анализа языковых / речевых средств место правовых понятий и представлений в культуре как целом; *юридическая лингвокультурология* преимущественно нацелена на сугубо конкретные вопросы, связанные с правовой практикой: например, в рамках лингвистической судебной экспертизы определить причины / цели использования говорящим обценных (нецензурных) или потенциально оскорбительных выражений и особенности реакции адресата речи и окружающих на такие выражения в разных условиях общения; найти оптимальные способы речевого поведения юристов различного профиля (следователя, прокурора, адвоката и т. д.) в различных профессио-

нальных ситуациях, связанных с этно- и лингвокультурными особенностями участников коммуникации; установить, какие лингвистические факторы препятствуют / способствуют развитию правосознания и правовой культуры населения и т. п.

Задачи формирования, развития и совершенствования правосознания могут решаться тремя основными лингвокогнитивными путями: 1) от правовых норм, фиксированных в соответствующих правовых терминах, – к соотносительным с ними обиходным представлениям о правах и обязанностях в их взаимосвязи с нравственностью и моралью (*юридическая лингвокультурология*); 2) от обиходных представлений, связанных с ключевыми словами, полисемичными либо омонимичными, выступающими и в профессионально-юридических (собственно правовых), и в обиходных значениях, – к осмыслению институционально установленных правовых норм (*лингвокультурология права*); 3) на основе сопоставления семантики терминов права и соотносительных с ними обиходных значений соответствующих лексем.

Список литературы

1. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородск. правовая академия, 2003. 420 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Волков В. В. Гомосексуализм в современной России: лингвокультурологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 6. С. 168–173.
4. Волков В. В. Основы филологии: антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста: курс лекций / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 147 с.
5. Волков В. В., Воднева А. А. Правовое и этическое сознание как бинарный объект лингвокультурологии // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». 2013. № 2. С. 14.
6. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: монография. М.: Стэнси, 2003. 236 с.
7. Голетиани Л. О развитии юридической лингвистики в России и Украине // Studii Slavistici. 2011. № VIII. С. 241–262.
8. Грачев М. А. Лингвокриминалистика. Н. Новгород: Нижегородск. гос. лингв. ун-т, 2009. 280 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999.
10. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Рус. книга, 1994. 624 с.
11. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.
12. Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2006. 240 с.
13. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
14. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с.
15. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2008. 1088 с.
16. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. язык, 1985.

17. Юридическая лингвистика [Электронный ресурс] // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. URL: http://siberia-expert.com/news/sajt_juridicheskaja_lingvistika/2009-09-28-42. (Дата обращения: 14.07.2016.)
18. Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2005. 854 с.

**LINGUISTIC CULTUROLOGY OF LAW
AND JURIDICAL LINGUISTIC CULTUROLOGY:
TWO TYPES OF LEGAL CONSCIOUSNESS**

V. V. Volkov

Tver State University
the Russian Language Department

The author proves that law as science, legal practice and legal consciousness is the binary object of linguistic culturology of law. Commonplace notions about law are based upon the “sense of justice”. Therefore, from the point of view of linguistic culturology the Russian commonplace notions about law predominate over legal phenomena.

Keywords: *linguistic culturology, juridical linguistics, legal consciousness, language consciousness, linguistic personality, linguistic culturology of law.*

Об авторе:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

About the author:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Russian Language Department, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.